

Вера ХАРЧЕНКО

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ НЕКОТОРЫМ ОСОБЕННОСТЯМ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Общественность обращается к филологам по различным вопросам, в основном, правда, «технического» характера: где поставить ударение, что означает новое слово, чем его можно заменить. Между тем у филологии есть и более обширные задачи, связанные с политикой, правом, социологией, этикой. Одной из таких задач является противодействие некоторым современным недостаткам, о которых сейчас много говорят, но которые так и остаются нерешенными. Точнее сказать, это не столько недостатки, сколько новые особенности жизни в третьем десятилетии XXI века.

Понятие филологии весьма широкое. Известно, что филология охватывает политический, научный, публицистический, художественный, разговорный дискурсы. Медиадискурс сейчас заполнил все пространство, и, конечно же, разговорный дискурс во многом живет под влиянием медиа. Увлечение семейными родословными не означает возврата к прошлому, но учет некоторых моментов здесь весьма важен, и ранее мы прочерчивали, как семейное родословие (да-да!) противостояло, препятствовало развитию некоторых недостатков [Харченко 2021: 387–404]. Предположим, однако, что современный человек далек от составления родового древа, тем более он не испытывает потребности знакомиться с аналогичными материалами из других семей, однако у него и сейчас есть художественный дискурс и в немалой степени есть публицистический дискурс. Целью сегодняшнего разговора является... филологическая альтернатива, таящаяся в публицистических текстах, тоже противостоящая некоторым современным недостаткам, предупреждающая и страхующая нас от них. Сопоставим факты, почерпнутые из публицистической литературы, и прокомментируем их тоже в основном цитатами из публицистики.

Отсутствие государственной идеологии. Людям нужны лозунги, и чем они красивее, чем призывнее, тем лучше. Много лет назад психологи проводили эксперимент: раздавали диски с бусинками: красной и зеленой, синей и розовой, черной и серебристой, коричневой и оранжевой и т. д. И предлагали распределить их на две

Вера Константиновна Харченко родилась в Калининне (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Живет в Белгороде.

группы: красивые и некрасивые. Теоретически должно было быть равновесие: 0,5 и 0,5. Однако при большом количестве участников соотношение оказывалось 0,6 и 0,4, получалось золотое сечение, то есть человек более склонен к красоте жизни, нежели к ее осуждению. «Увы, увлекать массы способно лишь что-то чарующее, идея становится материальной силой, лишь обретая эстетически привлекательную форму. Поэтому для формирования национальной идеи поэты ничуть не менее важны, чем экономисты и социологи...» [Мелихов 2005: 188]. Как ввести в нашу общественную жизнь столь недостающие ей эстетические и художественные факторы? Лозунгов нет, а, как говорится, на нет и суда нет. Без идеологии как-то спокойнее, но и движения вперед не ощущается. Конечно, любые лозунги будут высмеиваться, но тем не менее они должны быть для развития общества. «История — наука сугубо интерпретационная — тем более не может быть свободна от этических категорий и субъективности» [Габович 2021: 233]. Эти лозунги могут быть спорными, но их красота, их значимость сомнений не вызывает.

Этническая этика. *«Как ни странно, в нашей многоплеменной державе практически не разработана такая важная дисциплина, как этническая этика, а ведь ее азы, наряду с религиозными основами, надо преподавать в школе и в расширенном формате в среднеспециальных и, конечно, высших учебных заведениях»* [Поляков 2018: 211].

Быть русским, чувствовать свою русскость, гордиться ею — значит полноценно жить, не озираясь на соседние страны, но учась у них. И все это связано с этикой поведения. Само слово «этика» сейчас не в должном почете. От мелочей всегда можно подняться к вопросам этики, не забывая о нашей, русской этике. «Скорее всего, вопросы нравственности перестали быть в обществе центральными. ...Персональные права, поставленные выше нравственности, превратили современного человека в машину для удовольствий» [Водолазкин 2019: 173]. Как видим, вопросы нравственности стоят далеко не на первом месте, а вопросы этнической нравственности вообще не ставятся. Не могу не вспомнить здесь блестящий доклад доктора наук Е. А. Погорелой на научной конференции в Арзамасе 9 февраля 2021 года, где говорилось об ослаблении русского языка, превращении его чуть ли не в диалект в Тирасполе и, следовательно, о задачах, стоящих перед современной филологией. С провалом этнической этики уходят пословицы. Согласимся, такой афоризм из немецкого языка «Работа — украшение жизни» незнаком большинству наших современников. Неизвестный афоризм — выражение коварное, скорее всего, здесь скрывается и внутреннее несогласие с этим тезисом. «Работа делает жизнь сладкой», «Честный живет дольше всех» — эти немецкие пословицы знакомы нам или не очень? Как бы то ни было, но проблему этнической этики надо ставить, понимая ее значимость в нашей «многоплеменной державе».

Редукция авторизации. Какую опасность несет в себе все расширяющаяся редукция авторизации? *«Иными словами, упадок полномасштабного бытия от первого лица, уход от ответственности политических решений на всех уровнях, девальвация гражданской позиции, которая теперь преимущественно в том, чтобы найти самое безобидное мнение и гордо заявить: на том стою и не могу иначе»* [Секацкий 2015: 164]. Автор пишет о Швейцарии, но и к России это имеет самое непосредственное отношение.

Здесь речь идет об очень важном моменте в профессиональной сфере — о стремлении стать личностью. Научиться быть одному достаточно сложно. Авторизация требует действий, а их нет. «А стать личностью — значит играть сольную партию в собственной жизни. Тогда и за последствия отвечать не так обидно» (С. Тарасова). Трудность воплощения идей, редукция авторизации как раз и бывает связана с нежеланием исполнять ту или иную роль, играть сольную партию, рисковать и отвечать за поступки. Огонь загорается от огня, нужны вдохновляющие примеры. «Но часто они очень плохо понимают в книгах. Я знаю очень многих чрезвычайно талантливых блогеров, которые

с удовольствием могли бы рассказывать о книгах. Но, к сожалению, начитанность, филологическое образование, книжный вкус воспитываются десятилетиями, — это очень тонкая вещь, спорная, сложная, все это так просто не делается. Отсюда закономерные неудачи» [Гасин 2019: 16]. Но, положим, читать романы некогда. Однако и в журналах есть интересные факты. На с. 105 журнала «Знание — сила» (2015, № 2) рассказывается о женщине Ангеле Воробьевой, педагоге из Бурятии, которая совершила восхождение на высочайшую гору жаркого континента Килиманджаро в 2015 году в свои 86 лет. А тремя годами ранее Ангела Викторовна вместе с членами своей семьи посетила Антарктиду. Другой пример: Осип Манделштам состоял тогда на советской службе — заведовал секцией эстетического развития отдела реформы школы. Вот что Осип Эмильевич писал: «Организовывая общество, поднимая его из хаоса до стройности органического бытия, мы склонны забывать, что личность должна быть организована, прежде всего. Аморфный, бесформенный человек, неорганизованная личность есть величайший враг общества. В сущности, все наше воспитание, как его понимает наше молодое государство в лице Народного комиссариата по просвещению, есть организация личности» [Стратановский 2019: 238]. Редукция авторизации как раз и связана с нежеланием вести себя как личность, та самая, которую препятствия только укрепляют.

Трудность воплощения идей. Приведем слова академика Александра Берлина: *«Идей много, но воплотить их становится все менее возможно. Раньше, в советское время, когда была своя промышленность, мы внедряли многое из того, что придумывали... Сегодня у нас почти нет своей промышленности. Все заводы купленные, на них нельзя просто прийти. Это частная территория. С нами никто не станет разговаривать. Там в принципе нельзя ставить новый реактор. Вам продали готовый продукт. Кто отвечать будет, если что-то пойдет не так? А раньше директор отвечал. Он решил — он и несет ответственность. Не всегда это было безопасно, но тем не менее это было возможно. И это работало. А теперь нет»* [Берлин 2019: 32].

Немало примеров приводится в научно-популярной литературе о том, какие препятствия преодолевали люди, оказавшие влияние на последующую жизнь. Да, трудности изменились, но не изменилось условие: «Царство нудится». В журнале «Знание — сила» (2015, № 2) есть заметка о купце, меценате, экономисте Василии Александровиче Кокореве, который общался с Менделеевым, Гоголем, Островским. Основал Общество земледельческих колоний. Задолго до Третьяковки открыл в Вологде галерею, насчитывавшую 35 скульптур, 500 полотен. Содержал труппу театра, финансировал храмы, училища. Н. И. Пирогову послал обоз для армии. У него было восемь детей, и все получили фундаментальное образование. Впервые организовал колонию для малолетних преступников, где подопечные учились и осваивали столярное, сапожное, портняжное мастерство. Пример для подражания? Конечно!

Ситуация повышенной неопределенности. В этой ситуации надо уметь (надо учиться!) жить. «...Каждый человек должен в течение определенного времени быть предоставлен самому себе и находиться вне возбужденной толпы. Это время необходимо ему, чтобы подумать, обработать информацию, отключиться, перезарядиться и не обращать внимания ни на кого (не нести ответственности ни за кого), кроме себя» [Гордон 2010: 239]. «Существует психологическая модель, которая рассматривает потребление информации как фактор борьбы с собственной тревожностью. Информация — это обратная сторона неопределенности, а неопределенность в современной психологии — это разменная монета тревожности. Вообще потребность в эффективности собственного поведения подразумевает потребность в информации» [Спиридонов 2014: 34]. Настоящее — это всегда неопределенность, с которой надо считаться, но которая не может останавливать нас от свершения дел. «Судьба всегда присылает нужного человека» — есть такая французская поговорка, не всем, однако, известная.

Прекарный образ жизни — отсутствие гарантий или очень слабые гарантии. «Мы живем в мире, где большинство работ является работой к случаю». Например, так организованы самые интересные и современные явления в культуре. «Что такое бьеннале? Куратор набирает со всего света художников, делает выставку в одном пространстве, а затем все разбегаются, ничего не происходит» [Иванов 2018].

«Его путь, — пишет о Борисе Пастернаке Дмитрий Быков, — от интеллигентности к аристократизму, от экзальтации — к лаконизму». «Но ведь и наша жизнь состоит именно из мелочей; кто не умеет устроить свою жизнь в мелочах, — тот всегда будет ныть о том, что его жизнь «заедает», да сваливать на других собственную вину. Наблюдение за мелочами важно еще и потому, что именно оно дает человеку выдержку, приучает его к настойчивости, систематичности и терпению». «Нам нужно самовоспитание на мелочах, — тогда не будет и пустых порывов...» [Глубоковский 2020: 33]. Почитаем в журнале «Наука и жизнь» (2007, № 12) статью А. Рылова о психиатре Сергее Сергеевиче Корсакове, который выступал против замков и решеток на палатах, уповал на продолжительные разговоры с больными, тестировал словами, а не лекарствами. Он открыл «галлюцинационное воспоминание» у алкоголиков, и это получило название «корсиковский синдром». В его эпоху душевные болезни стали рассматриваться как вполне самостоятельные, это была революция в психиатрии. Его знал Александр III, к нему приходил Лев Толстой. Он упразднил связывание. Всего этого достаточно для того, чтобы признать С. С. Корсакова замечательным человеком, не подвластным никаким «слабым гарантиям».

Прокрастинация, то есть откладывание неприятных дел «на потом», неделание их, что сказывается на состоянии не только семьи, но и общества в целом. Подробнее о проблеме прокрастинации читаем в статье, опубликованной в «Русском репортере» [Тарасевич 2014: 21–28]. Откладывание неприятных дел, отсутствие гарантий, ситуации повышенной неопределенности, трудности с воплощением идей — все эти недостатки обусловлены нашей психикой прежде всего. Известно выражение «Верую, потому что абсурдно», но ведь оно относится и к вере в успех сегодняшнего нашего дела. Здесь тоже нужны примеры. «У меня есть подозрение, что это эволюционный механизм, который заставляет нас интересоваться частной жизнью других людей. Потому что это повышает наш опыт, нашу безопасность и наше умение ориентироваться в социальных ситуациях. ...Мы так вырабатываем приемлемые и неприемлемые паттерны поведения» [Горалик 2019]. В качестве примера приведем еще одно высказывание. «Темная экология учит не бояться неопределенности, но, напротив, воспринимать ее как нечто позитивное, как стартовую точку, которая позволяет выстраивать новые отношения с другими объектами» [Вилейкин 2019]. Прокрастинация охватывает нас тогда, когда мы выбиваемся из ритма действий, поддаемся унынию, слабеем духом. «Верую, потому что абсурдно». Такие слова звучат призывом к действию.

Перепроизводство интеллигенции. Тридцать лет тому назад проскочила реплика Бориса Кагарлицкого о перепроизводстве интеллигенции. Люди, как правило, занимают положение ниже того, которое могут занимать по своему развитию, а это серьезная проблема, и языковая тоже.

«Боюсь показаться педантом, но надо быть отдельным даже в эйфории любви. Не значит осторожничать, скрывать, рассчитывать. Чувство отдельности близко к чувству достоинства. Изливать душу — напротив, свойство человека слабого, ищущего опоры в другом. Ничего циничного я не сказал. Опоры в другом нет и никогда не будет. Ты можешь оказаться опорой для другого. Потому что ты сильный. Если ты сильный. И если выдержишь» [Крышук 2015: 259]. Перепроизводство интеллигенции... Но, может быть, это еще одна особенность нынешнего времени, с которой надо учиться жить?

Распространение инвектократии, проникновение нецензурной лексики в художественные (!) тексты. Конечно, нецензурная лексика распространяется волнами, и наступает период ее запрета, однако по сравнению с советским периодом такие запреты выглядят иногда весьма спорными. Только строгое «нельзя» говорит о настоящем запрете. Писатели Дина Рубина, Татьяна Соломатина вводят в тексты своих произведений нецензурные слова, более того, подтверждают сказанное: «Но зачем портить песню? Бывают истории, которые рассказывать, ставя многоточие вместо крепкого и точного слова, — просто пошлость и трусость. И глупость» [Рубина 2012: 195]. Распространение инвектократии обусловило и увеличение функций такой лексики. Ученые насчитывают до десятка функций. Среди них катарктическая, конфликтогенная, профаническая, функция внутригрупповой коммуникации, аттрактивная, функция прерывания контакта, функция поддержания гендерной идентичности, медико-психологическая, функция патологического сквернословия, инвектива как художественный прием [Ефанова 2013: 180]. Да, мы осуждаем сквернословие, но много ли среди нас людей, которые ставят табу на этой лексике всегда и во всем, не допуская лукавой мысли, что иногда — можно? В Старооскольском филиале Белгородского государственного университета 7 октября 2004 года, во время работы международной научной конференции, состоялось первое выступление агитбригады в защиту чистоты русского языка. Студенты читали стихи, сочиненные ими же и их преподавателями против сквернословия, и надо было видеть лица этих юношей и девушек! Вот он, достойный ответ на инициативу руководителей области. «Настоящее искусство по природе своей эвфемистично, заместительно, заждется на тайне, недоговоренности. Настоящий художественный язык — это всегда путь. Плоха та форма, которая выворачивает себя наизнанку, которая заведомо готова. Так киснет речь, бродильные дрожжи которой — [сквернословие], эта наиболее рутинная, нетворческая форма выражения мыслей, сводящая все разнообразие мышления к бордельной „первопричине“» [Ермошин 2007: 187]. Абсурдно ждать результата на следующий день, но усилия начинают плодоносить тогда, когда мы уже стоим на грани отчаяния, почему в основе любого дела лежит вера в успех, иррациональная по сути своей, абсурдная, великая вера в себя, в свои усилия.

Резкое увеличение доли мигрантов в обществе. Печальные факты читаем в статье И. Прусс «Мигранты и российская демографическая яма» [Прусс 2015: 23–28]. Наша демография под угрозой. Но здесь и масса иных проблем. В телепередаче «Правила жизни» на канале «Культура» от 30 сентября 2021 года директор Центра толерантности Анна Макарчук сказала, кстати, что Россия занимает сейчас четвертое место в мире по количеству миграции. Зачем же существует их Центр? А их Центр толерантности нацелен на реальное взаимодействие с приезжающими, на то, чтобы помогать как людям, для которых новое место жительства становится реальностью, так и тем людям, которые принимают мигрантов. Умные слова! Мы не хотим работать дворниками, мойщиками машин, разнорабочими... Телеведущий Алексей Бегак, основатель и ведущий этой передачи, рассказывал, что когда ехал на телевидение, то не увидел ни одной выброшенной бумажки... Что это, как не влияние мигрантов? Как бы то ни было, но миграция — взаимный процесс, и нам приходится с этим считаться, то есть видеть в миграции не только минусы, но и вполне реальные плюсы.

Позднее взросление, молодость, продолжающаяся до 35 лет. Молодость продлилась надолго, что связано и со вторым высшим образованием, и с обеспеченностью родителей, да и само желание подольше оставаться «маленьким» того стоило. Наука со своей стороны существенно повлияла на этот сдвиг: до сих пор гранты и премии даются в основном молодым претендентам.

В давнее время детство кончалось быстро, причем не только для крестьянских детей, но и для дворянских (поэт Ипполит Богданович — автор знаменитой «Душеньки» —

был определен на службу в Юстиц-коллегию в возрасте десяти лет!). Детство не выделялось в самостоятельный мир. «Такие вещи, как „Детские годы Багрова-внука“ или „Детство Темы“, могли появиться только в эмансипированном XIX веке» [Давыдов 2019: 72–73]. «Серебряному» поколению еще памятно время, когда говорилось и писалось, что Гайдар в 14 лет... Прокофьев в 9 лет... Сейчас этой информации как бы и нет. Мы разрешаем детям поздно взрослеть, хотя мы же и страдаем от этого. Судя по родословным, раньше дети быстро выросли, принимали на себя заботы о близких, рано заводили семьи, растили своих детей. В конце XX — начале XXI века эта схема стала утрачиваться, пока не сошла на нет.

Воспитание будущих мужчин. *«С мальчиками же вышла полная катастрофа: навыки мужского воспитания, чрезвычайно трудоемкие, требующие не доведенного до совершенства блефа, а ответственных жестов, не слишком изменившихся со времен архаических ассоциаций, — эти навыки уже и были восприняты в крайне неразборчивой распечатке. ... процессы, контролируемые матерью или „обществом“ (труд любви, образование, нарциссизм), худо-бедно, но все же работают, а вот участок мужского воспитания полностью обесточен. В результате „выпускаемые в жизнь“ мальчики несут в себе эту изначально заложенную недоработку, глубокий экзистенциальный дефицит достоверности бытия мужчиной» [Секацкий 2005: 205–206].* Напрямую это не всегда говорится, но это становится все острее в современной жизни.

«У отца было свое объяснение того, как, каким макаром и до деревни докатилась мода в семьях командовать бабам. Он считал, что произошло это от смертельной усталости мужиков, воротившихся с фронта и свалившихся без задних ног подле своих баб» — это, может быть, грубоватый, но красноречивый отрывок из романа В. Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» [Распутин 2009: 32]. Как воспитывали будущих самураев? «Основу воспитания будущих воинов составляли терпение и готовность к риску. Мальчики должны были научиться мужественно претерпевать всяческие лишения и преодолевать различные невзгоды, и потому ходили по снегу босиком, упражнялись в фехтовании и стрельбе из лука, в полночь отправлялись на кладбище, чтобы преодолеть страх перед мертвецами, ночами учились бодрствовать, чтобы быть всегда „наготове“. Так воспитывалось самообладание будущих самураев» [Горн 2019: 117]. Но среди правил было и такое: будьте почтительными... будьте учтивыми и вежливыми: от низких поклонов спина не сломается... Воспитание мальчиков — основа основ развития общества, и тот факт, что у нас есть недоработка этого воспитания, вызывает сложное чувство, заставляет оглянуться на прошлое, а также на другие страны.

Вербальное образование. Постепенно, конечно же, меняется характер работы: она становится «вербальной», это ощущается, становится все острее с каждым последующим десятилетием.

«Проблема в том, что растет „вербальное поколение“ людей, которые смогут работать только языком, а не руками. А так как руки, как известно, связаны с головой, то и головы у них будут не вполне полноценные. Так мы потеряли все преимущества нашей технической культуры, накопленные предыдущими поколениями» [Красносельский 2014: 101]. «А откуда берутся деревянные руки?! А оттуда! Из детства. Из детства, в котором ты уже не вышивал крестиком, не лепил из пластилина, не играл на пианино...» [Соломатина 2016: 204]. Наш ум — на кончиках пальцев. Сейчас трудно представить, как скажется наше слабое владение руками на развитии мозга, но задуматься над этим стоит.

Интенсивная компьютеризация общества. Количество операций, которые выполняются на компьютере (гаджете, смартфоне), зашкаливает. Человек поневоле теряет свою идентичность, иногда вплоть до болезненных проявлений.

Компьютер как пространство, компьютер как инструмент, компьютер как образ жизни, фрагментация Интернета... Все эти новые явления требуют осмысления и воздействия, но какого, когда? С этой особенностью жизни приходится считаться, поскольку она обуславливает и две, как минимум, другие особенности.

Цифровой номадизм — разбухание номадических потоков, когда возникает конфликт между глобальными номадами и привязанностями к определенной территории. Самое частное больше не является полностью личным, национальным, прочно связанным с определенной территорией и народом, с их культурой.

Цифровой номадизм связан с утратой личного, национального, а как защититься от этого?

Номофобия. *«Хотя такая болезнь пока не занесена в медицинские справочники и учебники, специалисты говорят о ней уже несколько лет. Это подсознательный страх остаться без мобильного телефона или — шире — вне зоны доступа к станциям сотовой системы. Новый термин возник еще в 2010 году из английских слов по mobile phone-phobia — боязнь отсутствия мобильного телефона»* (Наука и жизнь. 2019. № 2. С. 64).

Каждый из нас тревожится, если в руках нет гаджета. Не будем, кроме того, забывать, что компьютер есть прежде всего инструмент и за рубежами нашей страны никто не собирается снабжать нас новыми перспективными открытиями.

Ослабление социальных связей, социального ума при сверхинтенсивных, казалось бы, интернет-нагрузках. Гаджет в руках ребенка теперь заменяет ему общение. Навыки приспособления к другому, защиты, «самостоянья» ослабевают, если не утрачиваются.

Возникает вопрос: почему сейчас эта тема столь актуальна. В телепередаче по каналу «Культура» 20 сентября 2021 года «Технология счастья» социальный психолог Татьяна Яничева и психотерапевт Андрей Курбатов заострили целую серию вопросов. Общению надо учиться. Все чаще устное обращение к человеку воспринимается как агрессия. У нас отпала необходимость развивать коммуникативные навыки. Мы компенсируем социальность, покупая собачек, кошечек, погружаясь в социальные сети. Выделим в этом перечне здесь главное — необходимость развивать коммуникативные навыки, которые стали исчезать. Оказывается, действительность сыграла с нами злую шутку, мы теряем доверие друг к другу, и весьма поспособствовала этому ситуация с пандемией.

Продолжающийся разлад семейных отношений. Здесь много нового и тревожного: рост числа разводов, отказ от совместного проживания с людьми «серебряного» возраста, позиция «чайлд-фри» (отказ брачных пар заводить детей).

По Радио России ранним утром 30 октября 2020 года передавали, что 60 % мужчин в Москве, Екатеринбурге и Краснодаре не планируют в ближайшее время заводить детей. Нежелание иметь третьего, четвертого, а то и второго (а в XXI веке уже и первого) ребенка уже не удивляет, но согласимся: отсюда проистекает все возрастающее одиночество детей на всю оставшуюся жизнь, хотя эта сторона судьбы до поры до времени скрыта от глаз. Ослабление семейных связей проявляется в отсоединении родителей. Показателен как альтернатива этому следующий пример из жизни северных народов: «Отношения в семьях, даже если двоюродные, троюродные братья и сестры не проживают вместе, сохраняются близкими. „Почему ты у бабушки не бываешь? Ты должен приходить к ней каждый день!“ Отцы и дети проводят много времени вместе, отцы учат детей ставить капканы, ловить рыбу...» [Цирульников 2017: 203].

Отсутствие трехпоколенной семьи. «Каждая семья должна жить отдельно» — под этим лозунгом, казалось бы, защищается отдельная семья, однако этими словами нарушается ценность семьи как рода. Счастливый человек должен видеть и тех, кто дал

ему жизнь, и тех, кому он дал жизнь. В привычной сейчас, «двухпоколенной» семье на порядок возрастают трудности воспитания детей. На долю как отца, так и матери приходится значительное число ежедневных, причем неотменяемых дел и забот.

Вопрос об отдельности непросто. «Мы сейчас все хотим, чтобы у каждого была отдельная квартира. А что дальше, неважно для российского человека» (Д. Гранин). Малодетность приводит к вопросу: а зачем в семье пожилой человек, если малолетних детей уже нет, да и без него как-то спокойнее, проще. Но на проверку оказывается, что это не так. «Вот сижу и думаю: раньше бабушки и дедушки жили в семье и умирали в семье. Чтобы понимать друг друга, надо все-таки вместе жить. Нам будет очень трудно, когда мы станем совсем старенькими и будем вынуждены все-таки вернуться в свою семью... — Очень трудно! — Да. — И как тебя еще, кроме того, примут? Они же тоже привыкли к тому, что ты только в гости приходишь...» [Волошина, Шадхан 1981]. Естественная встроенность в семью предполагает распределение обязанностей между членами семьи. Дедушки и бабушки выполняли в семье свои уникальные функции. Много лет назад в художественной литературе фиксировалось: «И сколько же опыта уносит с собой в могилу старый человек!..» [Пермитин 1979: 367]. Бабушки вспоминаются чаще всего их рассказами (сказками), а также умением готовить, стирать, убирать — то, что естественно передавалось по наследству их внукам.

Ослабление смысла жизни. Раньше на первом месте стоял страх смерти, а сейчас у многих изменился этот страх, о чем говорят по радио. Я думаю, что это во многом связано с «малооптенцовостью».

Три года назад одинокая интеллигентная женщина, доктор наук, умирающая от рака поджелудочной железы, мне говорила с горькой улыбкой: «Я не могу понять, зачем это все?» Если бы речь шла об опустившихся людях, но здесь — здесь явно другая ситуация. «Мне всегда странны люди, не желающие заводить детей. Я такую душу представляю одноногой. Приносят нам дети радость или приносят огорчения — это непременная часть пути человеческой души. Человек должен просматривать свой род позади и впереди себя. Это одно из условий обычного человеческого счастья» [Рубина 2012: 328]. В одной телепередаче был приведен незнакомый мне афоризм: «Старость полна наслаждений, если уметь ею пользоваться» (Луций Анней Сенека). Какие дивные слова! Нам уже приходилось писать о связи смысла и события. Чем больше событий, тем скорее утрачивается смысл. Ускорение современной жизни, ее массовые катаклизмы, ее сбивающие с ног факты (включите радио!) приводят к ослаблению смысла, и это надо хорошо понимать.

Продолжающееся игнорирование эмоциональной сферы жизни, нежелание делиться эмоциями, некоторое угасание их [Иванова 2015: 3–5].

Сергей Есин в дневнике 1 мая 2015 года отмечает: «Сужу даже по [Литературному] Институту, если раньше каждый второй абитуриент был поэтом, теперь их значительно, по сравнению с прозаиками, меньше?» [Есин <http>]. Немодно стало говорить об эмоциях, а ведь это важнейшее наше право. Да-да, надо учиться говорить с людьми, тем более что многие браки распадаются из-за этого молчания. «У нас есть газета тех времен, там описано, как перегруженный турецкий корабль вывозит адыгов. Когда начался шторм, корабль стал тонуть, и команда решила стариков немощных выбросить за борт. Тогда молодые встали как один и выбросились — чтобы старики могли доплыть. Какой гордый народ был, как уважал старость!» [Цирульников 2019: 224].

Скандализация общества, связанная с пристрастием к негативам, с желанием пережить острые ощущения, не причастные, однако, к твоей жизни.

«Только в Новом времени произведения искусства стали способны „скандализовать“ общество — как импрессионизм в конце XIX или абстракционизм в начале XX в. Новации в искусстве, не связанные напрямую с техническим прогрессом, не име-

ли столь глубоких последствий для жизни общества, как научные и технические прорывы. Но есть шкала, в которой искусство стоит выше, чем наука», — читаем у Людмилы Улицкой в «Священном мусоре» [Улицкая]. «Склока, перебранка, словесные баталии становятся все более востребованными аудио- и визуальным форматом, что подтверждается хотя бы высочайшими рейтингами телепередач „К барьеру“, „Поединок“, „Пусть говорят“ и подобных» [Щербинина 2013: 167]. Когда в семье много детей, когда есть неотложные дела на работе, до скандала ли? Помнится, в родословных рассказывалось: *Всю жизнь моя бабуся хочет спать. Потому что жизнь в деревне нельзя назвать легкой. Бабушка вставала в три часа ночи и шла на ферму. Приходила домой в 10 часов вечера. У самой бабушки тоже четверо деток, и все они ждут ее дома, и каждому надо угодить, потому что все разные. А в три опять на работу (О. Ш.). Особенно трудно было бабушке с «двойнятами». Она рассказывала, как во время кормления она одного ребенка прикладывала к груди, а второго в это время качала на ногах, потом наоборот. Пеленок катастрофически не хватало. На улице зима, они не успевали сохнуть. И вся улица несла — каждый что мог. Это были и мужские сорочки, и наволочки (Т. П.). Не до скандалов в таких ситуациях!*

Мы перечислили, опираясь на различные источники в основном публицистической литературы, некоторые существенные особенности новой жизни, жизни в XXI веке. Наперекор почти каждой особенности можно привести фрагменты из статей, книг, противостоящие этому, что мы и попытались показать, как бы говоря: да, это все значимо, все верно, однако все-таки можно научиться противостоять этому. Можно многому научиться, если — учиться... Мы, таким образом, учимся жить одновременно в настоящем, прошедшем и будущем времени, что весьма непросто, но именно этого и требует современная действительность. В качестве выводов подчеркнем следующее. Нам всем надо суметь сориентироваться в трех ипостасях:

во-первых, больше читать, причем читать различные источники, что мы пытались показать через обилие цитатного материала;

во-вторых, вычитывать положительные, позитивные моменты в наше «непростое» время;

в-третьих, брать пример, если не с литературных героев, то с реально живших людей. Звучит по-пионерски? Отдает советским временем? Но это наша внутренняя, тайная работа, побуждающая делать и действовать, украшая своими делами доставшиеся нам по рождению время и пространство.

Литература

- Берлин Александр. Идеи, теории и полимеры // Наука и жизнь, 2019, № 10.
- Вилейкин Александр о британском философе и его книге «Стать экологичным» // Иван Марков. Горький, 2019, 31 июля <<https://gorky.media>>
- Водолазкин Евгений. Брисбен: Роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 410 с.
- Волошина С. В., Шадхан И. А. Контрольная для взрослых. Л.: Лениздат, 1981. 109 с.
- Габович Михаил. Новый мир, 2020, № 6. Библиографический обзор. С.233.
- Гасин Дмитрий. Форма изменится, а суть останется // Знание — сила, 2019, № 2. С. 12–18.
- Глубоковский М. Н. Заметки любителя математики // Наука и жизнь, 2020, № 2.
- Горалик Линор. Истории Линор Горалик. Автор и собиратель историй — о том, почему они так важны // Colta.ru, 2019, 6 августа <<http://www.colta.ru>>.

- Гордон Т. Курс эффективного преподавателя. Как раскрыть в школьниках самое лучшее. М.: Ломоносовъ, 2010.
- Горн Виктор. Путь воина // Знание — сила, 2019, № 1. С. 114—118.
- Давыдов Георгий. Лоция в море чернил. Тетрадь вторая // Новый мир, 2019, № 9. С. 49—91.
- Ермошин Федор. Речь про речь // Знамя, 2007, № 10. С. 185—187.
- Есин С. Дневник 2015 года [Электронный ресурс] / С. Есин. URL: http://lit.lib.ru/e/esin_s_n/text_02115.shtm.
- Ефанова Л. Г. Функционально-семантическое поле нормы в русском языке. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2013. 220 с.
- Иванов А. Новая газета во Владивостоке. 2018, № 467, 15 ноября.
- Иванова М. О дефиците эмоций в современной словесности // Знамя, 2011, № 11. С. 3—5.
- Красносельский Сергей. Инженеры для наукоградов // Знание — сила, 2014, № 9.
- Крышук Н. Бесконечность в кратком изложении // Звезда, 2015, № 1.
- Мелихов Александр. Послесловие // Игорь Яковенко. В тисках душевной шири // Нева, 2005, № 2. С. 188.
- Пермитин Е. Н. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. Жизнь Алексея Рокотова. Трилогия. Кн. 1 и 2. М.: Художественная литература, 1979. 861 с.
- Поляков Юрий. «Желание быть русским» // Москва, 2018, № 10. С. 211.
- Пресс И. Мигранты и российская демографическая яма // Знание — сила, 2015, № 2. С. 23—28.
- Распутин В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть, рассказы. М.: РАГС, 2009.
- Рубина Дина. «Больно только, когда смеюсь». М.: Эксмо, 2012. 384 с.
- Секацкий Александр. Отцеприимство // Нева, 2005, № 2.
- Секацкий А. Не только о Швейцарии // Нева, 2015, № 4.
- Соломатина Т. Роддом, или Неотложное состояние. М.: АСТ, 2016.
- Спиридонов В. Достаточно уметь сомневаться // Наука и жизнь, 2014, № 5.
- Стратановский Сергей. Манделъштам о гуманизме // Звезда, 2019, № 8.
- Тарасевич Г. Прокрастинация: симптом века. Как устроена психология современного человека и почему он склонен откладывать жизнь на потом // Русский репортер, 2014, № 14. 10—17 апреля. С. 21—28.
- Улицкая Л. Священный мусор [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rulit.me/books/svyashchennyj-musor-sbornik-read-266757-1.html>.
- Харченко В. К. История Родины в зеркалах семейного родословия. Белгород: Издательский дом «Белгород»: НИУ «БелГУ», 2021. 420 с.
- Цирульников Анатолий. Поцелуй юкагирки. Записки путешественника // Дружба народов, 2017, № 9. С. 196—215.
- Цирульников Анатолий. Черкесские сады, или Плач под лезгинку. Фрагменты романа-исследования // Дружба народов, 2019, № 9. С. 220—236.
- Щербина Юлия. Оскорбительная критика: опыт отражения // Нева, 2013, № 1. С. 159—172.